

28.10.93

Петров Александр

Пожалуй, только Федор Михайлович Достоевский мог дерзнуть вместить в простенький, на первый взгляд, рассказ про сон смешного человека всю Библию и всю историю человечества — се его падениями, озарениями, заблуждениями.

Пожалуй, только талант не менее мятущийся, мог осмелиться экранизировать этот рассказ, более того — создать по нему анимационный фильм.

«Сон смешного человека» Александра Петрова получил бесчисленное количество наград. Среди последних Гран-при Международного фестиваля анимационного кино «Крок-93» и Приз Гильдии киноведов и кинокритиков, врученный на «Кроке» — за выдающееся живописное и пластическое решение фильма.

Прежде, чем я коснусь непосредственно кино, напомним читателю несколько литературоведческих фактов.

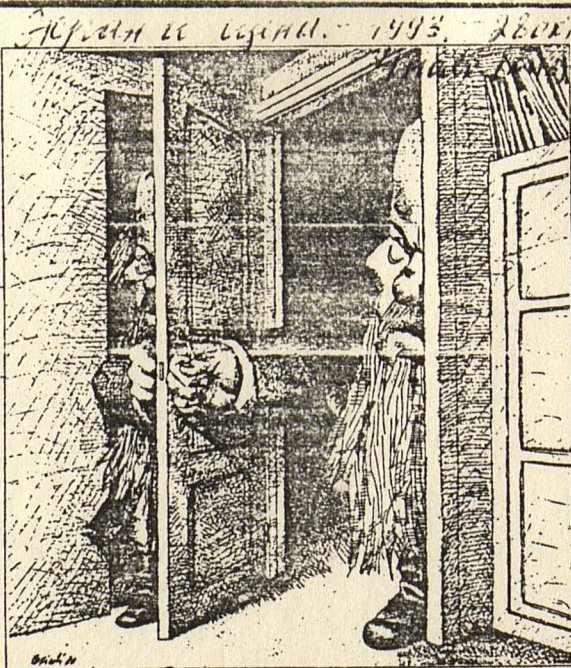
Трижды в произведениях Федора Михайловича появляется сон, навеянный картиной Клода Лоррена «Асис и Галатея», который ассоциировался у писателя с «земным раем человечества». Первый раз — в 9-й главе, не вошедшей по цензурным соображениям в роман «Бесы», в исповеди Ставрогина, оттеняя горделивый пафос покаяния героя. Второй — в романе «Подросток», в рассуждениях западника Версилова о «заходящем солнце последнего дня европейского человечества». Третий раз — собственно, в рассказе «Сон смешного человека». В нем как бы вынесено за скобки все, что касается биографии героя, не имеющего ни имени, ни фамилии. История его жизни обобщена до некоего универсального образа с детства смешного человека, дошедшего в горькой обиде на себя и людей до эгоистического безразличия ко всему на свете и однажды решившего застрелиться.

Именно сон, приснившийся Смешному человеку в тот день, когда он неожиданно для себя пожалел в душе несчастного ребенка, — составляет содержание рассказа и фильма. Исследователи творчества писателя называют этот сон философским, символическим. Все это так. Я же привыкла доверять буквальности слова, тем более Достоевского. Такие сны, пишет гениальный автор, «стремят не рассудок, а желание, не голова, а сердце». Он возвестил герою истину, заставил пережить состояние благодати и грехопадения, отчаяния, покаяния, искупления. Такие сны в духовной культуре называют зрением, они даются людям для постижения вещей Божественных и помогают духовному восхождению.

Вещий сон в рассказе Достоевского настолько преобразил душу героя, что он из смешного, жалкого, замкнутого человека превратился в блаженного, принявшего жизнь как подвиг. В фильме Петрова выстраивается свой, и это вполне естественно, смысл сна-истины. Попробуем его определить.

Традиционная образность, в которой работает художник-аниматор, не только не упростила, напротив — усложнила задачу. Ведь необходимо было создать визуальный ряд особой словесности Достоевского, передать «феноменологию духа», волнующий, едва уловимый аромат человеческой души.

Александр Петров снимает в трудной технике живописи на стекле, органично соединяя вибрирующую эс-



## «Шерри-бренди, мой ангел...»

кизность и почти станковую завершенность композиции кадра с тончайшей проработкой психологических нюансов в колорите, свете. Это придает мощный оптический эффект оживлению и особую выразительность пластическим переходам в смене эпизодов петербургской жизни смешного человека и картин его сна. Призрачен в фильме, как плод воображения, сам облик героя, похожего в иные мгновения на Федора Михайловича, в иные — на артиста Александра Кайдановского, читающего закадровый текст, и на самого Петрова, словно изнутри персонажа, взглянувшего на нас из сумрака серого вагона в неясных отблесках проносящихся мимо газовых фонарей.

Все тот же зыбкий свет фонарей в дождливый ноябрьский вечер освещает пронзительную встречу Смешного человека, зябнувшего в ветхой одежке Акакия Акакиевича, с девочкой лет восьми, простоволосой, в мокром

платице, в рваных башмаках, ворвавшейся в круг света из темноты и сырости, словно с полотен Крамского, Перова, Саврасова. Через несколько мгновений знакомый колорит живописи передвижников смешают буйные краски сна.

Петров, искусно стилизуя классициста Клода Лоррена, создает торжественно-эллигические картины жизни греческого Архипелага.

Облик людей-богов дышит хрупким равновесием чувственной красоты, готовым разрушиться от одного нескромного взгляда. В пластической точности «райской» фазы сна у Александра Петрова сквозит какая-то конкретная, уловимая глазом чистота помыслов и чувств, полнота бытия, убедительность благодати, явно дарованной некогда людям объективно. И надо сказать, чем острее это ощущение благодати, в которое вписывается уже знакомая нам петербургская девочка, тем неизбежнее и невозвратимей минута слома. Того самого, заключенного в безжалостно-откровенной фразе героя Достоевского: «Я развратил их всех!».

К сожалению, Александр Петров не доверяет силе слова. Иначе ему бы не потребовалась изобразительная деталь, обозначающая отсчет катастрофы. Он дал в руки герою маску, тут же приросшую к лицу. Возможно, у Петрова это произошло невинно — от одного лишь атома фальши, неточности, но в конечном итоге, думаю, от глубинного неприятия сна как истинны. Лик маски-оборотня не просто разрушил хрупкий античный рай, но выступил знаком вечного зла — зла, присущего человеку онтологически.

Следующие за этим эпизодом картины раздоров, ссор, разъединения людей и зверей, жестокости, насилия, войн выступают лишь мастерской иллюстрацией к гибели мироощущения, питавшего века.

Герой Достоевского, познав реальность сна-зрения, принимает ее сердцем, как одному ему дарованное боговдохновенное откровение. Он постигает в этом сне всепричастность единичного греха и черпает в нем силы для дальнейшей борьбы с помыслами зла. Герой Петрова не находит опоры в зыбкой реальности сна. Преображенного лика Смешного человека в фильме мы не запомним. Правда, выхватим в потоке сменяющихся эпизодов катастрофы образ девочки с ангельским ликом, строящий замки из песка на морском берегу. При всей мимолетности он останется в памяти символом вечности и покоя. Смешной человек захочет приблизиться к девочке — спасти ли, защитить ли, погубить ли — так и останется неизвестным, поскольку сам он гибнет в зыбучих песках сна.

«Там, где эллину сияла

Красота,

Мне из черных дыр зияла

Срамота...»

Знакомый мотив мандельштамовского стихотворения к финалу становится ведущим в фильме Александра Петрова, отразившем мироощущения человека конца XX столетия, в начале которого было провозглашено: «Бог умер!»

Татьяна МОСКВИНА-ЯЩЕНКО.

181